

Ю.В. Василенко*

**ИСПАНСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПЕРИОД
СТАНОВЛЕНИЯ ИМПЕРИИ
(конец XV – середина XVI в.)**

Вектор политического развития на Иберийском полуострове в конце XV – начале XVI в. определялся идеалами католицизма, под знаменем которого, начиная с XI в., осуществлялась реконкиста – имперскими амбициями монархов, логично вытекавшими из военных успехов реконкисты и обусловившими гармоничный переход от внутренней колонизации к внешней, и представлениями об абсолютистской монархии как идеальной форме государственного устройства. В стране, находящейся в состоянии перманентной войны на протяжении семи столетий, основы политической теории и принципы политической практики закладывали прежде всего государственные деятели. «Вторым эшелон» шли представители академической университетской среды, католических орденов и монастырей, часто обеспечивавших власть квалифицированными кадрами. С одной стороны, ученые теологи подводили абстрактные теоретические основания под действия практикующих политиков, с другой – могли быть носителями разнообразных еретических учений, подрывавших авторитет и идеологию правящих кругов, вынуждая последних применять по отношению к себе жесткие репрессивные меры. Наряду с проблемами политической теории и практики, теологи размышляли о проблемах этики, обосновывали различные трактовки философских категорий, касающихся духовной и телесной природы человека, утверждали эстетические предпочтения.

Испанский консерватизм как система политических взглядов и политического действия складывался из множества ручейков, стекавшихся в единое идеологическое русло на протяжении нескольких столетий. До начала XVII в., пока в Испании не сформировалось четкого контрреформаторского течения, в генезис испанского кон-

* *Василенко Юрий Владимирович* – старший научный сотрудник Пермского филиала ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

серватизма, так или иначе, вносили свой вклад представители всех политических направлений. Далеко не все политические деятели и мыслители, оказавшие в конечном итоге влияние на становление консерватизма, могли бы определить себя как консерваторы. Особенно это касалось тех политиков, которые в будничной суете «маленьких дел» о своей политической идентичности не задумывались. При этом также необходимо учитывать и то обстоятельство, что большинство политических деятелей, являвшихся носителями консервативной ментальности, участвовали в создании нового общественного порядка, отстаивать который им приходилось не в силу того, что он доказал свою эффективность и превосходство над другими на протяжении определенного исторического периода, а всего лишь как одну из современных и, в этом смысле, равных другим альтернатив, не подкрепленных на данный момент никакой или очень слабой традицией. Исключение в данном случае составляли лишь идеологи католицизма, идеалы которого первоначально было необходимо утверждать на новых, освобожденных от мавров территориях, а затем в борьбе с различными ересями, угрожавшими устоявшимся религиозной и светской системам ценностей. Пришедшими извне альтернативами ортодоксальному католицизму стали философия эпохи Возрождения, затронувшая Испанию в XVI в. словно хвост пролетевшей вдали кометы, и Реформация, представлявшая к середине XVI в. для идеологов католицизма наибольшую угрозу и определявшая характер идеологических баталий на всем протяжении существования испанского королевства.

История испанского королевства формально начинается 19 октября 1469 г., с заключения брака между Изабеллой I Кастильской (1451–1504), дочерью кастильского короля Хуана II и его второй супруги Изабеллы Португальской, сводной сестры кастильского короля Энрике IV, и наследником арагонского престола Фернандо II Арагонским (1452–1516). Этот брак обозначал стремления той части политической элиты Испании, которая мыслила масштабами всего Пиренейского полуострова. Несмотря на то что на тот момент сторонники брака двух инфантов находились в оппозиции к кастильскому королю Энрике IV, а Папа Римский Павел II так и не дал своего разрешения на брак, да и фактическое объединение Ис-

паниии произошло лишь при внуке Изабеллы I – Карлосе I/V, ставшем в 1519 г. императором, это событие лежало на генеральной линии испанской истории и отражало набирающие силу тенденции.

К концу Реконкисты перед испанскими монархами стояли задачи по экономическому и политическому укреплению королевской власти. Из-за непрекращающихся династических конфликтов и гражданских войн, происходящих между знатью и горожанами в течение последних двух с половиной столетий, экономика Кастилии испытывала серьезные трудности. Масштабные структурные реформы в производственном секторе, кроме всего прочего, должны были обеспечить монархию необходимыми ресурсами для проведения крупных внешнеполитических акций прежде всего против Франции и Португалии, оспаривавших друг у друга контроль над торговыми путями, ведущими из Европы в Азию. Все это было невозможно без объединения различных королевств в единое централизованное государство. Общая идея, имплицитно направлявшая реформаторские усилия «католических королей» Изабеллы I и Фернандо II и их соратников, заключалась в создании испанского государства-нации, хотя как таковая она и была сформулирована много позднее.

Восшествие на престол Изабеллы I и Фернандо II ознаменовалось началом новой гражданской войны. После смерти Энрике IV в декабре 1574 г. кастильская знать разделилась на два лагеря: сторонников Изабеллы I, возглавляемых кланом Мендоса, и тех, кто поддерживал дочь Энрике IV от второго брака с Хуаной Португальской, названную племянницу Изабеллы I – Хуану Бельтранеху (1462–1530). Во главе второй партии стояли бывшие соратники Энрике IV маркиз де Виленья и архиепископ Толедский. И те, и другие рассчитывали продать свою поддержку в обмен на подтверждение прав на собственность и привилегии, а также, естественно, надеялись на пожалование новых. Очередная династическая гражданская война быстро распространилась по всему Пиренейскому полуострову. Изабелла I и Фернандо II обратились за помощью к Арагону и Наварре, а их противники – к португальскому королю Альфонсо V (1438–1481) Африканскому, которому они предложили кастильскую корону посредством брака с Хуаной

Бельтранехой. Несмотря на несколько первых поражений, в сентябре 1475 г. Кастилия перешла в стремительное наступление. В феврале 1476 г. португальская армия была разбита при Торо, и мятежная знать, окончательно потеряв поддержку извне, начала переговоры о переходе на службу к Изабелле I и Фернандо II. В отличие от Хуаны Бельтранехи, значительно ограниченной в своих средствах, Изабелла I могла чередовать свои пожалования с раздачей ключевых должностей в Королевском совете и Счетной палате (Контадурии) Кастилии, вербуя тем самым своих сторонников даже из юристов и мелкой знати. В данном случае Изабелла I не изобретала ничего инновационного; она лишь продолжила ту практику, которая была апробирована при первых королях династии Трастамара: подтверждение экономических привилегий знати, но «отключение» ее от должностей политических и административных. В сентябре 1476 г. с положением вещей примирились и маркиз де Виленья, и архиепископ Толедо. Таким образом, череда гражданских войн, начавшаяся в Кастилии еще в последние годы правления Альфонсо X Мудрого, свергнутого в 1252 г. собственным сыном Санчо IV Смелым, закончилась.

Теперь «католические короли» могли перенаправить свои усилия вовне – на борьбу с Францией и Каталонией, на стороне которых выступала и Португалия, не оставлявшая своих надежд на захват кастильских территорий. Кастилию поддержал арагонский король Хуан II, который преследовал собственные захватнические интересы. Первым предметом раздора стало маленькое королевство Наварра, традиционно являвшееся спорной зоной между окружавшими ее королевствами. В военно-дипломатических перипетиях Фернандо II, будучи наследником арагонского престола, умело сыграл на внутренних противоречиях наваррской знати между своими сторонниками и сторонниками Хуана II, и в итоге по соглашению, подписанному в 1476 г. в Туделе, Наварра, хотя и продолжала сохранять свою независимость, попадала под протекторат Кастилии. Это событие отмечало собой важную перемену в традиционной внешней политике Кастилии. Теперь внешние границы Кастилии были надежно защищены и она могла сконцентрироваться непосредственно на захватнических акциях, заключая широкие

союзы с Англией и итальянскими королевствами. Правда, в первое время Кастилия была вынуждена рассеивать свои силы на два фронта – против Франции и Португалии, – в результате чего многие захваченные ранее территории удержать так и не удалось. Война между пиренейскими королевствами закончилась в 1479 г. поражением Португалии при Бадахосе и подписанием мирного договора в Алькасовасе, ратифицированного в Толедо в 1480-м. Вместе с войной закончилась и история соперничества Изабеллы I и Хуаны Бельтранехи. В результате Хуана Бельтранеха была отправлена в португальский монастырь Санта Клара в Коимбре; в дальнейшем с помощью Изабеллы I и Фернандо II она обосновалась в Лиссабоне. Кроме этого были разделены и сферы влияния: Кастилия получала в свои владения Канарские острова, а Португалия – африканский берег.

Одновременно с окончанием гражданской войны и началом внешней экспансии Изабелла I и Фернандо II начали политику сотрудничества с Римом, чья поддержка была им необходима для утверждения своей власти в Кастилии. Крепкий союз с главой католического мира позволял им назначать епископов и поставить под контроль католические ордена, которые в то время представляли собой значительную экономическую и военную силу. В конце концов, Папа Сикст IV признал права Изабеллы I на кастильский престол (в то время как поддержка Сикстом IV прав Хуаны Бельтранехи могла бы привести к новому витку гражданской войны). Против Изабеллы I говорил союз Кастилии с некоторыми итальянскими королями, которые враждовали с Папой. Однако дело в пользу Изабеллы I решило установление в Кастилии в 1478 г. новой Инквизиции, с помощью которой католические короли получили еще одну возможность контролировать свое государство.

Победа в гражданской войне со знатью и мир в войне с Португалией создали условия для наведения порядка и внутри страны. В 1476 г. в Мадригале де лас Альтес Торрес, на родине Изабеллы I, состоялись кортесы, на которых «католические короли» поставили основополагающие проблемы, касающиеся перспектив развития Кастилии. Прежде всего, речь шла о повышении доходов казны. В итоге взимание налогов стало осуществляться централизованным

способом. Были отрегулированы поступления и зарплаты счетоводов Контадурии, заявлено об отмене той части ренты, выплачиваемой короной, которая считалась не имеющей смысла; место и тип выплат определялся теперь королями. На кортесах также было высказано и демократическое пожелание об отмене привилегий дворянства, полученных после 1464 г., согласно которым оно освобождалось от части налогов, а их тяжесть перекладывалась на городское сословие; это, по мнению горожан, положило бы конец отчуждению материальных средств от короны и аннулировало соответствующие послабления. Однако политика «католических королей», направленная на задабривание дворянства после гражданской войны, не допускала подобного рода ужесточений, по крайней мере, до окончательного умиротворения. При этом монархия нуждалась в помощи дворянства и щедро оплачивала службу в королевском войске рыцарскими званиями. Вместе с тем интересы короны расходились с петициями горожан в кортесах не во всем. «Католические короли» пошли навстречу горожанам в вопросе, касающемся преследования евреев, продолжив, таким образом, политику, проводимую последними кастильскими королями.

Для поддержания порядка и борьбы с бандитизмом по ходатайству города Бургоса было создано постоянное войско. Предложение горожан совпадало с интересами «католических королей» и, возможно, было даже ими инспирировано. В итоге Эрмандада (Святое Братство) – полувоенная муниципальная организация, традиционно поддерживающая порядок в стране, – была значительно модифицирована и оказалась в подчинении не городов, а короны, став инструментом умиротворения и централизации государства. Этот институт, кроме всего прочего, был еще необходим и для сохранения структуры найма солдат: каждый город должен был выставить по одному всаднику с каждых ста или ста пятидесяти своих граждан в зависимости от характера воинского вооружения. Во избежание недовольства против действий короны со стороны горожан в каждый город назначалось по два прокуратора – уполномоченных, один из которых назначался короной, а второй нуждался в одобрении хотя бы половины голосов в Городском совете. В задачи прокураторов входило ежегодное инспектирование городских дел.

Прокурадоры составляли постоянный совет, или депутацию, Эрмандады, которая в кортесах формировала часть представителей от каждой из восьми вновь образованных провинций: Бургоас, Паленсии, Сеговии, Авилы, Вальядолиды, Саморы, Леоны и Саламанки. При этом в Андалусии, где дворянство подчинило себе горожан, было осуществлено освобождение дворян и церковников от выплат на содержание Эрмандады, в то время как в других местах они платили сумму, равную выплатам других сословий.

Дворянство и монархия при всех своих противоречиях были, таким образом, неразрывно связаны друг с другом. А в кортесах «католические короли» видели по большому счету лишь помеху для реализации своей политики, но обращались к этому институту как существующей традиции, желая придать своим решениям в общественном сознании большую легитимность. Если союз с дворянством был для монархии естественным и стратегическим, то соглашения с горожанами носили непосредственно тактический характер и составляли предмет все более жесткой и неуступчивой торговли; если собственность и права высшего сословия «католическими королями» так или иначе подтверждались, то права третьего сословия имели четкую тенденцию к сужению. Причем в данный исторический период третье сословие понять это в силу ограниченности своего политического мышления не смогло. Горожане, увлеченные переговорами о мелких уступках, фактически проглядели становление абсолютизма, который к середине XVI в. положил конец в Испании и средневековому парламентаризму, и, соответственно, городским вольностям. Последние кортесы созывались в 1506 и 1520 гг. в моменты кризисов. При этом горожане увидели в усилении королевской власти гарантию порядка и процветания. Примечательно, что усиление королевской власти происходило также и за счет церковного сословия посредством обретенного монархией права назначать верных себе епископов и аббатов; в результате чего средства церкви оказывались в распоряжении государства, а церковь теряла институциональную независимость. Правда, интересы церкви и светского государства в конечном счете совпадали настолько же, насколько совпадали интересы монархии и дворян.

На кортесах в Толедо в 1480 г. наметившиеся тенденции закрепились: мнение короны было поддержано достигнутым согласием с дворянами, а участие горожан оказалось лишь символическим. На кортесах было представлено лишь 16 городов, а их прокураторы сформировали часть дворянского представительства. Вновь в пользу дворянства была пересмотрена рента, причем горожанам дискутировать по этому вопросу запретили. Продолжая начатую в Мадригале в 1476 г. политику реформирования государственных институтов, «католические короли» преобразовали Аудиенцию и Королевский Совет, в котором теперь шесть юристов (летрадос) доминировали над тремя рыцарями и одним церковником. Королевский Совет, таким образом, мыслился как институт, в котором должны работать прежде всего профессионалы, занимающиеся внутренней и внешней политикой, притом что решающее слово оставалось, естественно, за королями. Реформа городских властей привела к запрету наследования всех должностей, кроме прокураторов, при этом, правда, было отменено несколько видов налогов на горожан, введенных после 1448 г. Был сохранен и институт коррехидоров (городских глав), только теперь они должны были подчиняться королевским инспекторам или судьям. По инициативе кортесов, что полностью соответствовало и интересам короны, вновь было отправлено прошение в Рим о том, чтобы все назначения на церковные должности осуществлялись лишь с согласия королей. Успех на этом направлении привел к тому, королевская власть получила контроль над материальными ресурсами церкви, что в конечном итоге принесло в ее казну порядка шести миллионов мараведи.

В сфере экономической политики на кортесах 1480 г. были отменены налоги на скот, введенные после 1464 г. Скотоводство и торговля шерстью, контролируемые дворянством, приносили в казну наибольшие доходы и нуждались поэтому в дополнительном стимулировании для своего развития. В конечном итоге крупнейшим собственником скота становилась сама корона, что ввиду изгнания экономически благополучных евреев и трат, связанных с умиротворением дворянства, было крайне необходимо для пополнения ее казны. Тем более что скотоводство и торговля шерстью, в

отличие от промышленного производства, приносили быстрые доходы. В данном случае «католические короли» не видели дальше своих сиюминутных интересов, так как в долгосрочной перспективе последствия этой политики оказались для Кастилии катастрофическими. Огромные доходы, получаемые от торговли шерстью, могли создать впечатление, что Кастилия находится в привилегированном положении; однако, не имея промышленности, испанцы были вынуждены покупать многие вещи за границей по ценам, значительно превышающим стоимость производимого ими сырья. В итоге кастильская экономика оказалась в порочном круге. Для расширения импорта было постоянно необходимо расширять экспорт, который в свою очередь имел свои пределы. При этом те немногие отрасли кастильской промышленности, которые существовали (изготовление шляп в Сеговии и Толедо, выделка шкуры и производство мыла в Севилье, Кармоне и Малаге, керамика, стекло и работы из шелка в Малаге), не могли выдерживать конкуренции на внешнем рынке. Интересы, связанные с внешней торговлей, определяли, таким образом, в том числе и развитие внешнеполитической деятельности испанской короны.

Необходимо отметить, что усиление королевской власти в конце XV – начале XVI в. было характерно для большинства европейских государств. Союз монархии и дворянства, усиленный в Испании «католическими королями» с согласия Папы, посредством в том числе и обретенного ими контроля над могущественными военными орденами Калатрава (1485), Сантьяго (1493) и Алькантара (1498), постепенно привел к аристократизации общественной структуры, начинавшейся еще в середине XIII в. В дальнейшем это станет для Испании тяжелым «историческим балластом».

В отличие от всех предыдущих мероприятий «католических королей», изгнание евреев и учреждение Инквизиции касались всех находящихся в их владении королевств и были способом ускорить объединение территорий по принципу «едино стадо и едина вера». «Католические короли» не верили в старую независимую Инквизицию, возглавляемую епископами и доминиканцами. Испанской короне был нужен орган, подчиняющийся ей полностью. Играя на антиеврейских и антимусульманских чувствах испанцев, Изабелла I

и Фернандо II создали новую Инквизицию, утвержденную Папой Сикстом IV в 1478 г. и введенную в действие толедскими кортесами 1480 г. Необходимость в средствах для войны в Гранаде – последнего этапа Реконквисты – лишь ускорила полное уничтожение старой Инквизиции. Примечательно, что установление новой Инквизиции вызвало в регионах Испании упорное сопротивление и ознаменовало собой первые столкновения внутри страны, связанные с ее централизацией. Данная проблема останется актуальной на всем протяжении существования испанского королевства, политические баталии вокруг нее ведутся и сегодня.

В 1484 г. главой новой Инквизиции становится Томас де Торквемада (1420–1498), пожалуй, наиболее одиозная личность в истории Испании. Торквемада был выходцем из дворянского сословия; его дядя – Хуан де Торквемада – был знаменитым теологом и кардиналом, представлявшим католическую церковь на Констанцском соборе, осудившем Яна Гуса. Подобно большинству вторых сыновей в знатных семьях, Торквемада выбрал религиозную карьеру и вступил в Орден доминиканцев в монастыре Св. Пабло в Вальядолиде. Позже он перешел в монастырь Санта Крус в Сеговии, которая была политическим бастионом Изабеллы I, где он занимает должность приора. Будучи первоначально духовником казначея «католических королей» Эрнана Нуньеса де Арнальта, Торквемада постепенно становится и духовником Изабеллы I, которой, согласно хронике Хуана де ла Крус, рассказали «о его благоразумии, прямоте и святости»¹. В 1469 г. Торквемада втайне от Энрике IV сопровождал Изабеллу I в Вальядолид, где и состоялось ее венчание с Фернандо II. В 1482 г. безупречная служба Торквемады обусловила его назначение на пост Великого Инквизитора Кастилии и Арагона, а через два с половиной месяца – Каталонии и Валенсии, с тем чтобы покончить с беспорядками, спровоцированными его предшественником Мурильо-и-Сан-Мartiном.

Идея новой Инквизиции, подчиняющейся не Папе, а непосредственно «католическим королям», принадлежала непосредст-

¹ Cuadro anonimo espanol del S. XV titulado «Virgen de los reyes Catolicos»// <http://www.el-mundo.es>

венно Торквемаде. Именно поэтому на его плечи и была возложена задача по ее реорганизации и централизации. Совместно с юристами Тристаном де Медина и Хуаном Гутиерресом де Чавес Великий Инквизитор редактирует «Указания», или «Правила» («Instrucciones», «Ordenanzas»), принятые к исполнению в 1484 г. и дополняемые затем в 1485, 1488 и 1498 гг. В соответствии с этими «Указаниями», в южных городах Сьюдад-Реаль, Севилья, Хаена и Кордова основывались инквизиционные суды. Все это говорит о первоначальных целях, стоявших перед Инквизицией, – ответ на проблему, связанную с новообращенными евреями и мусульманами, оставшимися на юге Испании после Реконксты. В 1490 г. новая Инквизиция существует и действует уже во всех королевствах. Главной чертой новой Инквизиции стали неограниченные судебские возможности инквизиторов и полное бесправие их жертв, имущество которых отчуждалось в пользу короны. Торквемада был среди тех, кто убеждал «католических королей» в том, что соседство христиан с евреями и мусульманами вредит добродетелям народа. 31 марта 1492 г. при активнейшем содействии Торквемады «католические короли» подписали указ об изгнании евреев из всех своих королевств, дав им на это срок в четыре месяца: «[Мы] решили приказать всем вышеупомянутым евреям, мужчинам и женщинам, покинуть наши королевства, и чтобы они никогда не могли возвратиться в них»¹. Когда еврейская делегация предложила королю 30 тысяч дукатов за то, чтобы их оставили в покое, Торквемада, гласит легенда, встал перед ним с распятием и заявил: «Евреи продали Господа за 30 серебряников; Ваше Высочество хотите продать его за 30 тысяч... Возьмите Его и продайте, но только не говорите, что я в этом хоть как-то участвовал»².

Своеобразная историческая ирония заключается в том, что бабушка самого Торквемады была так называемой «конверсо», обращенной еврейкой, или новой христианкой. В этом контексте попытки Торквемады защищать в Испании «сангре лимпия» («чистую – в смысле: белую христианскую – кровь»), атрибут принадлежности к знатному роду, выглядят в личном плане достаточно драматич-

¹ Цит. по: http://www.mcs.drexel.edu/~gbrandal/Illum_html/Torquemada.html

² Ibidem.

но и интригующе: этому человеку было что скрывать и в чем убеждать себя и окружающих. Причем некоторые соратники Торквемады также были новообращенными евреями. Один из таких Алонсо де Картахена неоднократно заявлял: «Если какой-нибудь новый христианин сделал что-нибудь плохое, я буду первым, кто принесет дрова, на которых его сожгут, и подожгу их»¹. Как пишет немецкий историк Йозеф Перес: «Активный антииудаизм некоторых обращенных проистекал из желания отличаться от фальшивых христиан посредством жесткого заявления об их ошибках»².

Жесткие репрессивные меры, предпринятые Торквемадой при исполнении этого указа, вызвали недовольство среди экономистов, да и в Риме Торквемаду терпели лишь постольку, поскольку не хотели осложнять отношений с «католическими королями». В результате Торквемада принимает решение уйти в основанный им же монастырь Св. Томаса в Авиле, отказавшись от настойчивых предложений «католических королей» занять пост архиепископа Севильи и Толедо. После смерти Торквемады его образ в Испании приобрел черно-белые черты: доброжелатели создали из Великого Инквизитора идеальный тип поборника истинной веры, носителем идеи «Испания – для испанцев, и все испанцы – католики». Современный испанский историк Себастьян де Ольмедо называет Торквемаду «борцом с еретиками, светом Испании, спасителем своей страны, честью своего ордена»³. Благочестивый, человеческий портрет Торквемады нарисовал и Хуан Эслава Галан⁴. Недоброжелатели слепили из него одну из самых кровавых фигур в мировой истории, расположив ее между Гитлером и Дракулой. Истина, видимо, учитывая условия исторической эпохи (мероприятия по изгнанию евреев и мусульман были для средневековой христианской Испании делом обычным), лежит где-то посередине.

Так или иначе, Инквизиция в Испании связала воедино религиозную католическую ортодоксию с представлениями об истин-

¹ Cuadro anonimo espanol...

² Ibidem.

³ Ott M. Torquemada, Tomas de // <http://www.encyclopediacatolica.com>

⁴ См.: Galan J.E. El Terrible Torquemada// <http://www.geocities.com>

ных основаниях общественной структуры, веру и социальный порядок. Защита одного требовала защиты другого; и все средства, включая насилие, считались для этого приемлемыми. Соответственно, расширение еретических движений, наблюдающееся на всем протяжении позднего средневековья и подхлестнутое Возрождением и Реформацией, обуславливало все более возрастающую жесткость религиозной реакции.

Популярность Изабеллы I Католической (прозвище, данное ей Папой Александром VI Борджиа за завоевание Гранадского эмирата в 1492 г.) создали в Кастилии фактически культ ее личности и привели к абсолютизации ее деяний в последующем. Тем более что ее муж Фернандо II был арагонцем, а внук Карлос I всегда воспринимался в Испании как иностранец. Несмотря на то, что многие современные историки оценивают образ Изабеллы I неоднозначно, ее канонизация в 1990 г., хотя впервые о необходимости этого заговорили еще в XIX в., говорит, скорее, о положительной оценке ее деятельности сегодня¹. Реформаторская деятельность «католических королей» в конечном итоге предопределила величие и расцвет Испанской империи в середине XVI–XVII вв., как, впрочем, и ее кризис в последующие времена. Соответственно, и испанский консерватизм в этот период формировался как идеология, направленная на непосредственное закрепление и удержание достигнутых успехов. Ключевыми чертами его политической программы становятся абсолютистская монархия, воинствующий католицизм, кастильский национализм и политическая централизация Испании вокруг Кастилии.

Соратник «католических королей», который оказался способен продолжить их политику в тяжелые времена междуцарствия, кардинал Франсиско (Гонсало) Хименес де Сиснерос (1436–1517), был выходцем из рыцарского сословия; и церковная карьера была обычным для этого класса делом. Сиснерос последовательно учился в Роа (Бургосе), Алькала де Энарес, изучал теологию и право в Саламанке и, в конце концов, оказался в Риме, где и прошел «спе-

¹ См.: *Alvarez I. El largo proceso de beatificación de Isabel la Católica. El desconocido retrato de una reina*// <http://www.archimadrid.es>

циализацию» в церковной администрации. После смерти своего отца он возвращается в Испанию и получает пост архиепископа в городе Уседа. Его политическая карьера начинается фактически во времена гражданской войны между сторонниками Изабеллы I и Хуаной Бельтранехи. Из-за противостояния с архиепископом Толедским Сиснерос оказывается даже на несколько лет в тюрьме. Однако Сиснероса поддерживает глава клана Мендоса – кардинал Педро Гонсалес де Мендоса, в результате чего Сиснерос сохраняет за собой свой пост архиепископа и оказывается в числе сторонников «католических королей». Стремительное восхождение Сиснероса начинается в 1480 г., когда он становится главным капелланом в соборе города Сигуенса. В 1484 г. он вступает в Орден францисканцев, благодаря чему и изменяет свое настоящее имя Гонсало на Франсиско. Продвигаясь вверх по церковной лестнице, в 1492 г. Сиснерос становится духовником Изабеллы I, которая следует в своем выборе советам старого защитника Сиснероса – кардинала де Мендосы, ставшего к тому времени новым архиепископом Толедским, сменив на этом посту противника Изабеллы I. В 1492 г. во время кампании по изгнанию евреев Сиснерос предлагал Изабелле I применить такие же меры и в отношении мусульман. В 1494 г. Сиснероса выбирают главой Францисканского ордена Кастилии, и он становится главным советником Изабеллы I. После смерти кардинала де Мендосы Сиснерос занимает его пост архиепископа в Толедо, ставший к этому времени одним из ключевых мест в испанской политике.

Сиснерос предпринимает масштабные реформистские усилия по преобразованию епархиальных синодов в Толедо, превратившие Испанию в бастион католической ортодоксии. По приказу Папы Александра VI он реформирует также испанские религиозные миссии в Латинской Америке, став в 1496 г. там посланником от Ордена францисканцев, а в 1499 г. – от нищенствующих орденов. «Католические короли», зная о неприязни Сиснероса к мусульманам, доверяют ему важную миссию по проповеди Евангелия среди мусульманского населения на только что завоеванных территориях Гранадского эмирата. При выполнении этого поручения Сиснерос показывает себя ревностным католиком, используя при крещении несколь-

ких тысяч иноверцев насильственные методы, в результате чего в 1502 г. в Альпухаррасе даже вспыхнуло мусульманское восстание.

В 1504 г. после смерти Изабеллы I Сиснерос оставляет церковную службу и начинает заниматься исключительно политикой. Дело в том, что, согласно завещанию Изабеллы I, кастильская корона передавалась ее второй дочери Хуане I Безумной (1504–1555), которая должна была передать властные полномочия своему отцу Фернандо II в случае ухудшения ее умственного состояния. В результате страна вновь разделилась на два противоборствующих лагеря: сторонников Фернандо II и сторонников мужа Хуаны I – бургундского герцога Филиппа Красивого (1478–1506), который, по их мнению, и должен был стать королем Кастилии и Леона, если болезнь Хуаны I станет прогрессировать. Династические разногласия были в конечном итоге разрешены мирным способом: Фернандо II возвращается в Арагон, а Филипп Красивый становится королем Кастилии. Иностранец Филипп принес в Испанию идею о всеобщем политическом единстве всей Европы – «Великой монархии» («*Monarchia universalis*»), что для него, правда, в первую очередь было связано с поиском дополнительных средств. В 1506 г. Филипп неожиданно умирает, и Сиснерос оказывается регентом при Хуане I. В 1509 г. Хуана I поселяется во дворце Тордесильяс в 30 километрах от Вальядолида на берегу Дуэро, где и ведет затворническую жизнь, породившую множество слухов и домыслов, став в конечном итоге легендой. Между тем до самой своей смерти в 1555 г. Хуана I продолжает считаться королевой Кастилии, и ее имя во всех документах стоит первым.

На своем посту Сиснерос действует как консерватор, реализуя политические идеи, которые он отстаивал и раньше: прежде всего немедленное возвращение в Кастилию Фернандо II и усиление королевской власти посредством опоры на дворянство. Благодаря поддержке Фернандо II в 1507 г. Сиснерос получает звание кардинала, вскоре после этого он становится и Великим Инквизитором Кастилии и Леона. В этом же году в Алькала де Энарес он основывает университет, в котором разрабатываются прогрессивные педагогические учения, а одним из профессоров становится гуманист Элио Антонио де Небриха, внесший значительный вклад

в разработку письменного кастильского (будущего испанского) языка. По-видимому, за подобного рода действия Сиснерос и получил репутацию «либерала»¹, не имеющую, в общем-то, отношения к остальной его политике. В своем новом качестве кардинал де Сиснерос принимает участие даже в нескольких военных эпизодах, связанных с завоеваниями в Африке территорий, которые после оказывались в зависимости от архиепископа Толедского².

В 1516 г. после смерти Фернандо II кардинал де Сиснерос вновь оказывается регентом Кастилии, регентом Арагона становится сын Фернандо II – Алонсо. В эти времена Сиснерос переживает наиболее сложный период в своей политической карьере: он лишается могущественных покровителей, а союз Кастилии и Арагона, ради которого было приложено столько усилий, оказывается в опасности. Многие дворяне, почувствовав ослабление королевской власти, решают вернуть отобранные у них «католическими королями» привилегии и начинают поднимать восстания; при этом они получают поддержку фламандских сторонников будущего императора Испании Карлоса I/V, желавших дестабилизировать ситуацию в Кастилии и ускорить тем самым приход к власти своего протеже. В борьбе с дворянскими бунтами кардинал де Сиснерос вновь обращается к третьему сословию (характерный для монархии в периоды кризиса шаг) и организует городскую милицию, получившую название «Люди порядка» («Gente de la Ordenanza»). Согласно легенде, когда дворяне спросили кардинала де Сиснероса, на чем основываются его полномочия, он показал на эти войска рукой и сказал: «Вот мои полномочия»³. В конечном итоге кардинал де Сиснерос остался верен идеям политической централизации и укрепления королевской власти в Испании. Во внешних конфликтах он не допустил отторжения Наварры в пользу Франции и не уступил давлению берберских корсаров в Северной Африке.

¹ См.: Jimenes (or Ximenes) de Cisneros, Francisco // <http://21.1911encyclopedia.org>

² См.: *Cardinal Cisneros*. Gonzalo Jimenez de Cisneros // <http://www.artehistoria.com>

³ Ibidem.

Кардинал де Сиснерос умер 8 ноября 1517 г., когда приехал в Бургос на встречу нового короля, сына Хуаны I и внука «католических королей» – Карлоса I/V, где его ожидала неприятная процедура отречения от всех своих полномочий, на чем особенно настаивали иностранные советники будущего короля. Причиной подобного отношения к Сиснеросу, кроме всего прочего, послужили его слова, обращенные к Карлосу I/V: «Смерть Фердинанда, вашего дедушки, не дает вам никаких прав на Кастилию; любые перемены могут вызвать восстание в стране и оскорбить чувства тех, кто, хотя поневоле признали королеву (Хуану I Безумную. – Ю.В.) неспособной к управлению, однако не решались лишить ее права»¹. Кардинал де Сиснерос до конца отстаивал интересы дочери «католических королей», тем более что при тогдашнем династическом раскладе вступление на кастильский престол Карлоса I/V для Кастилии могло означать вассальную зависимость от Франции. Политику Сиснероса во Фландрии расценили в конечном итоге как тихий бунт, и его политическая карьера в этом смысле была предрешена.

Карлос I/V (1516–1556) – сын Хуаны I Безумной и Филиппа Красивого, внук «католических королей» и императора священной Римской империи Максимилиана I – родился и провел свое детство во Фландрии. В Испанию он прибыл возрасте 16 лет, не зная кастильского языка и окруженный фламандскими советниками, которые презирали испанцев и вели себя вызывающе. В наследство Карлос I/V получил владения четырех династий – габсбургской, бургундской, кастильской и арагонской. Со стороны матери он получил все испанские территории, включая колонии в Средиземном море (Балеарские острова), Италии (Сардиния, Сицилия, Неаполь), Центральной и Южной Америке; со стороны отца – владения Габсбургов в Австрии, Франции (Бургундия и Брабант), Нидерландах и Германии. Именно Карлосу I/V принадлежат слова «В моем государстве никогда не заходит солнце». Он был первым европейским правителем, который со времен Карла Великого управлял на трех

¹ Колер А. Карл I/V (1516–1556) // Испанские короли. Ростов на/Д., 1998. С. 53-54.

континентах. Девизом его жизни стало выражение «Plus ultra» (дальше, сверх этого).

Унаследованная Карлосом I/V территория была очень разнообразной практически во всех отношениях, и вся его политика, в конечном счете, была направлена на создание и укрепление единого государства, в основу которого он положил утверждение католицизма. Вынужденный много путешествовать, Карлос I/V провел в Испании относительно мало времени: 1522–1529, 1533–1539 и 1556–1558 гг. Королевства, в которых он вырос и воспитывался под присмотром своей тетушки Маргариты и благодаря которым получил императорскую корону, на всем протяжении его жизни имели для него первостепенное значение. В 1555 г. в Брюсселе во время своего отречения он говорил: «В девятнадцать лет, после смерти императора, я отважился притязать на императорскую корону не для того, чтобы расширить свои владения, но чтобы иметь возможность действовать еще эффективнее на благо Германии и моих других королевств, а именно бельгийских провинций, и в надежде сохранить мир между христианскими народами и объединить их вооруженные силы для защиты католической веры против турок»¹.

Между тем последние годы жизни Карлоса I/V были связаны именно с Испанией, где он и похоронен: с 1574 г. его могила находится в королевском пантеоне в Эскориале. По словам немецкого историка Роаля Тайлера, «Карл действительно покорил Испанию; но и Испания его покорила, причем настолько быстро, что он закончил свою жизнь испанцем»². При Карлосе I/V Испания становится военной и финансовой сверхдержавой (несмотря на то, что самому Карлосу I/V это название епископа Руиса де ла Мота не нравилось) – настоящей «Транслатинской империей» («*Translatio imperii*»).

Императорская «карьеря» Карлоса I/V началась в 1515 г. с принятия по настоянию бургундских штатов звания герцога Бургундского. 14 марта 1516 г. Карлоса I/V провозглашают королем Кастилии и Арагона Карлосом I, поставив кастильцев перед свершившимся фактом. Несмотря на неприязнь со стороны кастильско-

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 63.

го дворянства, после прибытия в Испанию Карлосу I/V удается заручиться поддержкой своей матери и вопреки желанию кортесов отправить своего брата Фернандо из Испании. На кортесах 1518 г. в Вальядолиде перед Карлосом I/V стояла задача прийти к согласию с кастильской аристократией и всем испанским обществом, не признававшими пока в нем своего законного короля. По мнению кастильцев, озвученному членом Верховного суда Вальядоли Педро Руисом де Вилена, Карлос I/V должен был выступить за социальную справедливость, соразмерное распределение налогов и законодательные реформы¹.

Первый раунд борьбы за короля между испанцами и иностранцами завершился победой последних. Очевидно, что влияние иностранцев на Карлоса I/V было в это время очень велико, тем более что среди кастильцев преданных ему людей практически не было и в любом случае он, по-видимому, никому не доверял. В итоге Великим Инквизитором Кастилии он назначает Адриано Утрехтского; а архиепископом Толедским – кардинала Круа, племянника своего бургундского советника Шьевра. После смерти Шьевра в 1518 г. главным советником короля становится бургундец Меркурио Гаттинара. Самые серьезные опасения кортесов, касающиеся распределения доходных должностей, таким образом, сбывались. Депутаты кортесов также традиционно стремились ограничить власть короля, закрепив свои привилегии еще до присяги ему. Кроме распределения должностей в пользу испанцев кортесы потребовали от Карлоса I/V вступления в брак и пребывания в Кастилии до тех пор, пока не родится наследник. В экономической сфере речь, прежде всего, шла о сборе налогов, которые впредь должны были собираться самими городами, а не королевскими чиновниками.

Трудные переговоры кортесов с королем проходили несколько месяцев поочередно в Кастилии и Арагоне. Но в начале 1519 г. после смерти своего дедушки Максимилиана I Карлос I/V поспешно отбывает в Нидерланды, чтобы вступить в борьбу за корону Священной Римской империи, которая заканчивается его коронацией 23 октября 1520 г. в Ахене. Императором Карлосом V его ко-

¹ Колер А. Карл I/V (1516–1556). С. 56.

ронует папа Клементий VII лишь десять лет спустя уже после первого «испанского срока» (1522–1529) – 24 февраля 1530 г., в день его тридцатилетия. Императорский титул накладывал на Карлоса I/V божественную миссию сохранения мира и правосудия во всем христианском мире и спасения его от турецкой угрозы. Испанская империя, таким образом, выростала из лона Священной Римской империи, центром которой в первой половине XIV в. была не Испания, а, выражаясь средневековыми понятиями, «кочующий король» Карлос I/V. Вместе с тем император-иностранец, не связанный никакими местными обязательствами и предубеждениями, был наиболее «чистым» носителем идеи объединения Испании в единое централизованное королевство.

Регентом во время первого отсутствия Карлоса I/V из Испании стал Адриано Утрехтский. Недовольство кастильцев иностранным регентом и неуступчивостью короля перешло все границы, когда Карлос I/V на пути в Нидерланды потребовал со всех своих испанских владений дань на организацию своей коронации за границей. Все это в конечном итоге и спровоцировало тот бунт, который впоследствии получил название «восстание коммунерос». Примечательно, что во время восстания кастильское дворянство, первоначально с негодованием отнесшееся к непрокастильской политике Карлоса I/V, достаточно быстро умерило свой пыл и пошло на соглашение с иностранным регентом. Союз монархии и дворянства оказался в конце концов крепче «патриотических» настроений последних. Тем более что Карлос I/V всячески старался умилостивить кастильских дворян, используя для этого старый проверенный прием «католических королей» – подтверждение старых привилегий и раздачу новых рыцарских званий, чем и приобрел в Испании столь недостающих ему многих сторонников. На выборе дворянства сказалось также и то обстоятельство, что движущей силой восстания были прежде всего их старые «классовые недруги» – кастильские горожане, не желавшие оплачивать дорогостоящие заграничные акции Карлоса I/V и содержание иностранных наместников из собственного кармана, в частности, в Толедо, ставшем центром восстания.

Между тем раскол в испанском обществе впоследствии все равно привел к тому, что Испания стала для Карлоса I/V «дойной

коровой». Если бы не успехи конквистадоров в Америке и не огромный поток золота, хлынувший через Испанию в Европу, Карлос I/V, вероятно, был бы вынужден ограничивать себя в расходах и его активность на внешнеполитической арене была бы значительно меньше. Успех в Испании, таким образом, стал для Карлоса I/V во многом и залогом его успехов за границей. Об этом говорит и неослабевающее внимание Карлоса I/V к Испании во время его отлучек из страны, когда он оставлял своим регентам очень жесткие и подробные инструкции относительно того, как им действовать в той или иной ситуации. Отсюда абсолютистские тенденции в государственном управлении Испании, которые начали было ослабевать со смертью Изабеллы I, после подавления «восстания коммунарос» были закреплены окончательно. Разгром восстания, по мнению многих прогрессивных испанских мыслителей, стал вехой в развитии консервативных черт испанского менталитета. Как говорил один из героев романа Мигеля Делибеса «Пять часов с Марио»: «В нашей стране со времен Коммунарос мы только и делаем, что затыкаем себе уши, а того, кто кричит слишком громко, кто может побороть нашу глухоту и разбудить нас, мы изгоняем – и все в порядке! «Это голос зла», – говорим мы себе в утешение. И это нас вполне удовлетворяет»¹. Вместе с тем «восстание коммунарос» пополнило героический эпос и патриотическую мифологию Испании такими именами, как Хуан де Падилья, Хуан Браво и Франсиско Мальдонадо.

В 1521 г. по инициативе Гаттинары в Испании начинается создание государственного аппарата. С 1523 г. Совет финансов, Совет Индий, Военный совет, Совет Арагона, Совет Инквизиции, Приказной совет и Совет Наварры специализировали большой Королевский совет, функционировавший в Кастилии со времен «католических королей». Расширилось и сословие юристов-бюрократов. Вслед за «католическими королями» Карлос I/V получил возможность издавать законы, не спрашивая согласия кортесов, которые больше не имели возможности ограничивать власть короля. С 1538 г. Карлос I/V приглашает в кортесы лишь прокураторов 18 городов, являю-

¹ Делибес М. Пять часов с Марио // Избр. произв. М., 1975. С. 428.

щихся уже не депутатами от городских налогоплательщиков, а королевскими чиновниками.

Одновременно с этим иностранное окружение Карлоса I/V не смогло поставить его вне контекста политической и культурной традиции Испании и подчинить его исключительно европейским интересам. И хотя в обширнейшей историографии Карлоса I/V чаще называют Карлом V, указывая на то, что титул императора Священной Римской империи был для него более значим, нежели титул кастильского короля Карлоса I¹, его, на наш взгляд, можно рассматривать в обоих качествах в равной степени. В данном контексте его вклад в становление испанского консерватизма достаточно велик.

Прежде всего, по мере «испанизации» Карлоса I/V влияние иностранцев на него и на Испанию заметно слабеет. Так, в качестве королевской символики Карлос I/V начинает использовать символику своих испанских предков – «католических королей» – стрелы и ярмо. Разъезжая по всей стране, он учит кастильский язык и строит великолепные дворцы, составившие в последующие столетия немалое состояние испанской монархии. В марте 1526 г. Карлос женится на португальской принцессе Изабелле и проводит с ней медовый месяц в Андалузии, что очень выразительно охарактеризовало его внешнеполитические предпочтения. Проведя половину жизни в военных походах за пределами Испании, главное свое матримониальное достояние Карлос I/V использовал во благо Испании. Конечно же, в этом браке он преследовал и собственные сугубо прагматические интересы, связанные с необходимостью облегчения его финансового положения. Однако выбор Карлоса I/V позволил с облегчением вздохнуть и кастильцам, которые всерьез опасались его выбора в пользу Франции, чего вполне можно было ожидать, учитывая французскую кровь Карлоса I/V и влияние на него бургундцев. Одновременно большинством в высших государственных органах Испании постепенно вновь завладевают испанцы; участвовавшие браки между испанцами и иностранцами также непосредственно говорили о политических перспективах последних.

¹ См.: Carlos V // <http://www.cervantesvirtual.com>

Консерватизм Карлоса I/V проявился и в вопросах веры. Еще в 1521 г., в отсутствие Карлоса I/V, в Испанию был запрещен ввоз книг Мартина Лютера. Испанские богословы, ориентировавшиеся на Папу, в данном случае смогли превозмочь мнение даже членов Императорского совета Хуана де Вальдеса и Хуана де Вергара, относившихся к учению Лютера спокойно. Инквизиция, зашедшая в некоторый тупик после своих «успехов» в изгнании евреев и мусульман, в борьбе с «протестантской ересью» попыталась в это время обрести новое дыхание. И начавшаяся в 1517 г. Реформация как нельзя кстати позволила ей поставить перед собой новые цели и задачи. Тем более что при Карлосе I/V она по-прежнему оставалась единственным общеиспанским институтом и в таком своем качестве лучше всего подходила для культурно-мировоззренческого объединения Испании. Все остальные государственные органы управления (за исключением консультативного в плане внешней политики Государственного совета, в который входили выдающиеся личности всех королевств Карлоса I/V) по-прежнему разделялись на кастильские, арагонские и т.д. С 1533 г. (начало второго «испанского срока» Карлоса I/V) Инквизиция становится абсолютно ортодоксально католической и не делает уже никаких различий между разнообразными протестантскими течениями, осуждая и преследуя их все вместе взятые. Сила Инквизиции проявилась и в запрете в 1538 г. ряда книг христианского гуманиста Эразма Роттердамского. И это притом, что при дворе Карлоса I/V приверженцев Эразма было достаточно много, включая Альфонсо де Вальдеса, который с 1526 г. был латинским секретарем короля. Примечательно и то, что в 1529 г. в числе еретиков оказался и сам де Вальдес. Карлос I/V, в подчинении которого находилась Инквизиция, никак не препятствовал ее деятельности.

Несмотря на то, что в течение всего XVI в. в Испании появлялись философы и мыслители, составившие славу испанского Возрождения, – Хуан Луис Вивес (1494–1540), Гомес Перейра (1500–1558), Хуан де Авила (1500–1569), Хуан Урте де Сан Хуан (1529–1588), Себастьян Фокс Морсильо (р. 1528), Педро Симон Абриль (р. 1530), Олива Сабуко де Нантес и Баррера (р. 1562) и многие другие, наступление религиозной реакции можно, тем не

менее, рассматривать как одну из ярчайших тенденций этого столетия, в русле которой так или иначе находилась и политика Карлоса I/V. Тем более что в то время как Инквизиция боролась с протестантами в Испании, Карлос I/V расширял подобный же фронт в Германии. Их цели, связанные с защитой католической веры в империи в целом, фактически совпадали. Причем за действиями Карлоса I/V стояло и его иностранное окружение, которое в лице Гаттинары сформулировало свои устремления еще во время коронации Карлоса I/V императором Священной Римской империи: «Ваше величество, сейчас Бог предоставил Вам чудесную благосклонность подняться надо всеми королями и принцами христианского мира, получить степень власти, достигнутой лишь Вашим предшественником Карлом Великим, Вы находитесь на пути к универсальной монархии и стоите на пороге соединения христианского мира под одним пастухом»¹.

Вместе с тем успехи Карлоса I/V в Европе оказались намного скромнее, чем успехи Инквизиции в Испании. Вплоть до 1541 г. Карлос I/V был вынужден так или иначе договариваться с протестантами в Германии, которые, кроме собственно «религиозного сепаратизма», ставили еще и вопрос о своей большей самостоятельности в рамках империи. И если в Испании антиабсолютистское движение возглавили представители городского сословия и близкое к ним мелкое рыцарство, то в Германии «под этим соусом» действовало крупное дворянство, которое в свою очередь само претендовало на абсолютистскую власть в своих владениях. Опасность религиозного разделения Европы на католическую и протестантскую вынудило Карлоса I/V в конце концов вступить в прямое вооруженное столкновение с немецкими дворянами-протестантами. В 1547 г. Карлос I/V в битве при Мюльберге одерживает над ними победу. Однако по мирному договору, заключенному в 1555 г., немецкие принцы-протестанты все равно получали возможность исповедовать протестантизм. По мнению профессора национальных университетов Росарио и Ла Платы М. Карсолио, именно эти неудачи Карлоса I/V и спровоцировали его отречение от испанско-

¹ *Elliot J. Carlos V, Emperador y rey* // <http://www.lainsignia.org>

го и от императорского престола в 1556 г.¹ В итоге наилучшим пристанищем в последние годы его жизни оказался для Карлоса I/V испанский монастырь Хусте.

Немаловажное значение для развития испанского консерватизма имеет и личность Карлоса I/V – короля-воина, воспитанного на средневековых легендах о бродячих рыцарях, побеждающих драконов и утверждающих справедливость. Карлос I/V лично руководил своими армиями в Европе и непосредственно участвовал в сражениях. Военные походы Карлоса I/V развивались по нескольким направлениям. Центрально-европейский фронт был направлен против двойной угрозы протестантов и турок на континенте; северо-африканский – против пиратов-берберов – существовал со времен «католических королей»; центрально-средиземноморский с упором на Италию и Сицилию – против турецкой угрозы на море – с идеей организации нового крестового похода в Святую землю. Опорой для Карлоса I/V в его военных мероприятиях стала Испания, наиболее из всех его владений верная идеалам католицизма и имеющая в это время лучшие военные технологии и тактику ведения морских и сухопутных сражений. Испанского солдата отличала особая мораль – желание победить, новое чувство родины и собственной миссии в мире, поддерживаемые военными капелланами. «В истории европейских войн XVI в., – писал маршал Монтгомери, – Испания была самой выдающейся нацией, достигшей вершины своего могущества в 1550 г.»²

Крушение идеи общеевропейской католической империи, строящейся на фундаменте Священной Римской империи, частью которой в XVI в. была и Испания, привело к трансформации и представлений о миссии Испании в христианском мире. Если до Реформации она была лишь составной частью католического мира, то после Реформации Испания взяла на себя самостоятельную миссию по его защите в целом, что впоследствии выразилось в так на-

¹ См.: *Carzolio M.I.* El gobierno de Espana en la epoca de Carlos V // <http://www.cervantesvirtual.com>

² Emperador Carlos I de Espana y V de Alemania // <http://www.comarcadelavera.com>

зываемой «идее Испанидад». С середины XVI в. главными носителями консервативной идеологии в Испании становятся дворянство, Церковь и армия, выступавшие как опора императорского престола. Экономическое и этическое вырождение этих сословий в начале XX в. привело в конечном счете и к крушению испанской монархии, и к кризису испанского консерватизма, очень быстро скатившегося к праворадикальным, близким к фашистским политическим учениям.